

На краю неба едва забрезжил рассвет, а на улицах уезда Пэнчэн уже топились печи в домах у пары-тройки крестьянок.

Вдали башни и терема тонули в утреннем тумане, окутанные суровой и торжественной тишиной.

Вскоре донесся цокот копыт, смешанный с перезвоном медных колокольцев, который становился всё отчетливее.

Одна из женщин выглянула на улицу и первой заметила высокого коня с длинной гривой. На его спине покоился увесистый тюк, а при каждом рывке поводьев позвякивали закрепленные по бокам колокольцы. Юноша, ведущий коня, был одет в легкую дорожную одежду и двигался очень быстро. Поравнявшись с женщиной, он поднял свернутую красную плетть и громко окликнул:

— Тетушка Ху!

Узнав по голосу не юношу, а хорошо знакомую ей девушку, та довольно рассмеялась в ответ. Она проводила взглядом, как девица, ведя под уздцы огромного коня, свернула на переднюю улицу, где в конце пути уже брезжил свет.

Поместье рода Сун располагалось в самом центре передней улицы, в главном торговом узле.

Ворота были распахнуты настежь. Во дворе высились горы товаров, укрытых соломенными циновками; роса собиралась в капли и медленно стекала по бечевкам. Эти веревки, пропитанные тунговым маслом, были на редкость прочными и толстыми — не чета тем, что использовали обычные люди, — такие применялись только в дальних торговых караванах.

Торговый дом Сун из года в год странствовал по западным рубежам, обменивая ткани и домашнюю утварь из Центральных равнин на лекарственные травы и драгоценности из западных земель. Они проходили через четыре округа Хэси в пределы Сыли, затем спускались из Чанъаня на юг через округ Хэнань, пересекали Яньчжоу и, наконец, возвращались в Пэнчэн округа Чу.

Они преодолевали земли тринадцати областей — от востока до самой западной окраины, отправляясь в путь ранней весной и возвращаясь домой под Новый год. Из-за обилия разнообразных товаров и постоянной угрозы со стороны разбойников караван каждый год делили на три части: первая доставляла товары, необходимые округу Чу, вторая везла ценные грузы, а последнюю сопровождали сами главы дома Сун, лично управляя повозками и ведя торговлю.

Сразу после начала осени Е-ну получил письмо от главы дома: младшая хозяйка, сопровождающая особо ценный груз, должна была вернуться в ближайшие пару дней. Е-ну ждал на перекрестке три ночи подряд. Юноша тревожно мерил шагами дорогу, и когда в фонаре уже догорал остаток свечи, он наконец увидел людей.

Завидев силуэт на фоне предрассветного неба, а затем и рыжего коня, Е-ну наконец разглядел нахмуренные брови.

Он радостно побежал навстречу, размахивая руками:

— Младшая хозяйка!

Сяо Миньюэ, ведя рыжего коня, ускорила шаг. Подойдя к воротам, она увидела, что глаза Е-ну наполнились слезами. Он поднес фонарь ближе, чтобы осветить ей дорогу под ногами. Она лукаво изогнула губы: с прямыми, как стрелы, бровями и в мужском наряде, она выглядела по-настоящему статной и привлекательной.

Поглаживая красную плетъ в руке, она решила поддразнить юношу, которому еще не исполнилось и двадцати:

— Столько раз возвращалась из дальних странствий, но никогда не видела, чтобы ты так тосковал. Неужели натворил что-то, за что боишься наказания?

Е-ну крепче сжал рукоять фонаря, чувствуя себя обиженным. Его тон был далек от подобострастия, положенного слуге, в нем даже проскальзывали нотки упрека:

— Глава дома сообщил в письме, когда ты вернешься. Но в последние дни прошли сильные дожди, реки вышли из берегов. Я волновался, что ты застрянешь в пути или из-за непогоды задержишься.

Говоря это, он привычно перехватил поводья рыжего коня и спросил:

— У тебя же была повозка, почему остался только этот конь?

— Дорога была слишком плохой. Чтобы облегчить ношу, я продала её вместе с частью товара.

— А как же табурет для верховой езды, который я тебе смастерил?

— Когда нас застали ливни в горах, я пустила его на дрова, чтобы развести огонь.

Е-ну вытаращил глаза на Сяо Миньюэ, которая уже поднималась по ступеням:

— Младшая хозяйка, ну как же так!

Сяо Миньюэ обернулась, и выражение её лица стало серьезным:

— Ответь мне: в кромешной тьме, под проливным дождем и ветром, что ты выберешь спасти — табурет или младшую хозяйку, которая вот-вот замерзнет насмерть?

— Ну... конечно, тебя.

Сяо Миньюэ улыбнулась:

— Вот и всё.

Е-ну осекся, собираясь возразить, но она уже скрылась за дверью, нетерпеливо направляясь в сторону жилых построек.

Ему оставалось лишь увести усталого рыжего коня в конюшню, что располагалась у восточных ворот.

Закончив с разгрузкой товаров, Е-ну увидел, что Сяо Миньюэ уже умылась и вышла на

галерею.

Она сменила дорожный костюм с узкими рукавами на свободный черный халат. Темные волосы, прежде рассыпанные по плечам, были аккуратно уложены на затылке и закреплены белой нефритовой шпилькой. Вместо изящных украшений на поясе висела всё та же красная плетель, придавая ей вид вольный и непринужденный. За годы странствий она привыкла к мужской одежде и со временем начала находить её гораздо удобнее женской.

Сяо Минъюэ шла быстро, и, спускаясь со ступеней, едва не споткнулась о бревно, но ловко выровнялась, сделав шаг в сторону. В семье торговцев, занимающихся приграничной торговлей, ловкость и сноровка были делом привычным.

Е-ну погнался за ней и крикнул через галерею:

— Опять куда-то несешься?

Сяо Минъюэ, не оборачиваясь, махнула рукой:

— В дом Цзинь.

— В дом Цзинь? — Е-ну нахмурился, но его слова не поспевали за её быстрым шагом. — Я забыл сказать тебе насчет этого Цзинь...

Но Сяо Минъюэ уже не слышала его ворчания. Она быстро дошла до задней улицы и подошла к лавке тетушки Ху, протягивая монету:

— Дайте две горячих, и чтобы похрустели получше.

Тетушка Ху, взяв монету, вытерла руки о передник и принялась лепить лепешки.

Она с улыбкой заговорила с девушкой:

— В этом году ты вернулась рановато, как раз к празднику середины осени. Поешь горячей лепешки дома куда приятнее, чем мыкаться по чужим краям. Послушай меня, бросай ты эти опасные странствия, пусть господин Сун найдет тебе достойного мужа. С твоими-то талантами стать хозяйкой дома — дело нехитрое!

Господином Сун звали главу дома, Сун Иньху, а второго главу — Сун Фэйина. Сяо Минъюэ была приемной дочерью в семье Сун, и об этом знали все в округе. В доме Сун не было хозяйки, оба главы были уже в годах: у Сун Иньху был сын, но он жил далеко в Чанъане, а второй глава никогда не был женат и до сих пор жил один.

— Тетушка, ну что вы такое говорите, — Сяо Минъюэ смотрела, как пекутся лепешки, и в её глазах блеснула озорная искорка. — Вы прямо в самую точку попали. Мой отец всё хвалил вашего старшего сына, жаль только, что он оказался нерасторопным и его опередили.

Тетушка Ху всплеснула руками, одновременно злясь и смеясь:

— Этот неблагодарный сын, который забыл мать, как только нашел жену! Как вспомню — сердце болит.

В её рассказах о семейных неурядицах, о злых невестках и ядовитых свекровях, сплетни превращались в бесконечные истории, которые в народе пересказывали с огромным удовольствием.

Упоминание непутевого сына заставило тетюшку Ху забыть о советах насчет замужества.

Сяо Минъюэ вспомнила слова отца: замуж ни в коем случае нельзя выходить за сына такой вот сплетницы с задней улицы — иначе в доме будет вечный балаган. И Сун Иньху, и Сун Фэйин — один вдовец, другой старый холостяк — не раз становились жертвами этих длинных языков и каждый раз краснели, проходя мимо их лавок.

Хотя Сяо Минъюэ была лишь приемной дочерью, для Сун Иньху она была самым дорогим сокровищем.

Одиннадцать лет назад, когда варвары на западных рубежах свирепствовали и грабили земли Хань, два брата Сун подобрали шестилетнюю Сяо Минъюэ в пустыне. Она помнила лишь свое имя, то, что у неё был пропавший брат, да еще дерево в родном краю, которое росло выше самой луны. Остальное стерлось из памяти. Вероятно, её родное селение было уничтожено, и она сбилась с пути, пытаясь спастись. Даже когда семья Сун пыталась искать её родных, всё было тщетно.

Они растили её как родную. Она звала Сун Иньху отцом, обучалась у Сун Фэйина, а брат Сун Янь, не желая просиживать за книгами, уехал искать славы в далекие края. Даже отец говорил, что наследство перейдет к старшей дочери, а про Сун Яня можно забыть. Но то, как много трудилась Сяо Минъюэ, заставляло людей шептаться, что семья Сун всё же обделяет девушку.

Однако сама Сяо Минъюэ была довольна своей жизнью, и чужие мысли её не заботили.

Старушка, торговавшая супом из баранины рядом с лавкой тетюшки Ху, прислушивалась к их разговору и не удержалась от смешка.

От смеха она закашлялась и прикрыла рот рукой.

Тетюшка Ху завернула две горячие лепешки в грубую бумагу, отдала их Сяо Минъюэ и спросила старушку:

— У тебя эта одышка с приходом осени обостряется, чего же ты лекарства не пьешь?

Старушка тяжело перевела дыхание и ответила:

— Я всегда брала лекарства в аптеке семьи Цзинь, но они уже полмесяца как закрыты.

Сяо Минъюэ уже собиралась уходить, но, услышав про аптеку Цзинь, задержалась:

— Почему закрыты?

Тетюшка Ху перебила старушку, с воодушевлением пускаясь в подробности:

— Ты разве не знаешь? В прошлом месяце у них умер младший внук, Сань-лан!

Сяо Минъюэ замерла.

Тетюшка Ху говорила о смерти с ноткой жалости, но больше с любопытством стороннего

наблюдателя:

— Зима на пороге, на границе беспокойно. Говорят, Сань-лан погиб в бою с варварами, тело даже не нашли, прислали только его окровавленную одежду. После этого аптека и закрылась. А в семье Цзинь, говорят, еще хуже дела: вдова старшего сына, госпожа Лин, хочет усыновить наследника, а тут еще смерть Сань-лана во второй ветви семьи. Сама понимаешь, какой там сейчас разлад.

Старушка согласно закивала:

— И не говори, сплошная беда.

Сяо Миньюэ, держа в руках горячие лепешки, слегка нахмурилась. В памяти всплыл сдержанный и скромный облик Сань-лана из семьи Цзинь.

Ему было всего двадцать два года, самый расцвет жизни...

Тетушка Ху даже не заметила, когда Сяо Миньюэ ушла. Она подложила под себя кусочек доски и придвинулась ближе к старушке:

— Жаль, времена нынче беспокойные. Видно, судьба у него такая короткая.

<http://bllate.org/book/20047/1981184>